

К 100-летию со дня рождения А. П. Чехова

Многогранное дарование

Замечательный талант Антона Павловича Чехова созрел в 80-е годы, когда, по выражению Горького, «тяжелые серые тучи реакции плыли над страной», когда буржуазно-крепостническое государство пыталось подавить всякую свободу и независимость народа, заглушить мысль передовой интеллигенции.

Чехов заговорил от имени передовой, демократической русской интеллигенции, ненавидевшей капитализм.

Конечно, он был далек от марксистского мировоззрения, не знал ясных путей борьбы с буржуазно-крепостническим строем, но в то же время, продолжая лучшие традиции критического реализма, революционно-демократической литературы, Чехов резко обличал беликовых, червяковых, пришибевых, хамелеонов и других представителей старого мира. Недаром в Салтыкове-Шедрине и Некрасове он видел дорогих себе писателей.

Реализм Чехова знаменовал новую ступень развития русского классического искусства. В его творчестве в еще большей степени, чем в литературе его предшественников, отрицание старого общества связано с глубокой верой в созидательные силы народа. Ведь недаром Чехов писал, что художник должен себя чувствовать матерью, он должен любить родину, как мать любит свое дитя.

Взор Чехова неизменно обращен к будущему своей страны, народа. Вместе со своими героями он постоянно думал о том, какой станет его родная земля через пятьдесят, сто, триста лет. Устами одного из героев «Палаты № 6» Чехов выражал горячую веру, что наступит время, когда загорится заря новой жизни, нового счастья. Каким поразительным контрастом с этой зарей будущего общества является образ «Палаты № 6», больничного отделения для психических больных, символизирующего Россию с ее угнетением и преступностью!

В «Палате № 6», как и в других рассказах Чехова, характерна сама творческая манера писателя, то сочетание реализма с мечтой о будущем, которое придавало чеховским рассказам и пьесам широту и крылатость.

Почти во всех рассказах и пьесах Чехова, особенно более позднего этапа, мы видим героев, которые с надеждой смотрят вперед и горячо ненавидят уходящий мир. Таков и Астров из «Дяди Вани» и Буркин из «Человека в

футляре», и Надя из «Невесты», и другие. Вместе с ними Чехов поднимался на какую-то большую возвышенность, и эта возвышенность давала ему возможность заметить то, что не смог бы он увидеть, занимая другую позицию.

Обычно сдержанный там, где он говорил от своего лица, писатель поручал своим героям высказывать всю силу накопившегося в его душе негодования к тем, кто был виновен в страданиях и муках родной земли. Интересен в этом отношении образ рассказчика Буркина в «Человеке в футляре», который мечтает о свободе, счастье и потому особенно остро ненавидит людей в футляре, замкнутую жизнь.

Буркин широко обобщает само понятие человека в футляре — вся страна находилась в футляре хищных Беликовых, реакционных сил.

— А то, что мы проводим всю жизнь среди бездельников, сутяг, глупых, праздных женщин, говорим и слушаем разный вздор, — разве это не футляр? — спрашивал он.

Такая высокая позиция позволяла Чехову показать неизбежность гибели прогнившего общества. Как ни жестоки силы мрака, как ни трудна борьба с ними, они неизбежно должны уступить место новому, демократическим силам. Показательно, что в том же «Человеке в футляре» рядом с маленьким, трусливым Беликовым, боящимся всего живого, показан сильный, молодой, с веселым, независимым характером учитель Коваленко, обличивший не только футлярных людей, фискалов, но и саму удушающую атмосферу, где рождаются подобные типы.

Резко противопоставляя высокий демократический идеал Буркина, смелость, жизнерадостность Коваленко людям в футляре, Чехов обличает самые разные стороны буржуазно-крепостнического общества — паразитизм дворян, хищничество русской буржуазии, обывательщину, хамелеонство, застой.

Не потому ли так отчетливо выступает опустошенность Раневской, ничтожество Гаева, собственнический нрав Лопахина, что на них Чехов смотрит глазами умных, самобытных Трофимовых? Трофимов с Аней хотят посадить новый сад, а Раневская и Гаев способны только любоваться прекрасным, жить на чужой счет, способны на разрушение. Лопахин умнее, энергичнее владельцев вишневого сада. Но и он ради увеличения доходов, прибылей идет на уничтожение прекрасных деревьев. Полна глубокого смысла та сцена, где звучит призыв Пети к Ане бросить ключи от хозяйства и идти вперед, творить новую жизнь, и другая сцена, где слышатся глухие удары топора по дереву: по приказу Лопахина рубят вишневый сад. Вот почему эта пьеса и оказалась такой близкой, передовому реалистическому художественному театру, с судьбами которого связана вся творческая жизнь зрелого Чехова.

Теме создания и разрушения посвящена пьеса «Дядя Ваня», написанная еще раньше, чем «Вишневый сад». Как горячо хочет доктор Астров обновить отчизну, засадить ее прекрасными лесами и садами, и как резко обнажает он духовную нищету тех, кто умеет только разрушать — разрушать леса, науку, искусство, красоту, чужое и собственное счастье.

Во многих рассказах Чехова звучит осуждение обывательского застоя, эгоизма. В рассказе «Крыжовник» резко сталкиваются два представления о счастье современной писателю интеллигенции — о счастье, связанном с неустанной борьбой, движением, поисками ответов на самые жгучие вопросы жизни, и счастье, ограниченном узким кругом мелких желаний и помыслов.

Чехов не был революционером, но гениальным чутьем он понимал приближение здоровой бури. Такая позиция писателя позволила ему сосредоточить сокрушительный огонь по миру, обреченному на уничтожение.

Нашему народу, нашей советской литературе дорога замечательная чеховская традиция слияния пафоса обличения старого мира с пафосом утверждения новых творческих сил родины. Эту традицию поднимает на более высокую ступень искусство Горького, Шолохова, Маяковского, искусство лучших современных писателей — ведь у нас народ стал хозяином своей судьбы, успешно строится та новая, широкая, просторная жизнь, о которой мечтал Чехов. Поэтому еще смелее, еще непримиримее, чем раньше, советское художественное слово обличает мир насилия и жестокости, еще упорнее ведет оно борьбу со всем плохим, что мешает нам идти вперед, к светлому коммунистическому будущему.

В. ДОМБРОВСКИЙ,
доцент Ульяновского
пединститута.

На снимке: Дом-музей А. П. Чехова в Ялте.

Слушая рассказы Чехова

«Приезжай, милый дедушка... Христом богом тебя молю, возьми меня отсюда. Пожалеи ты меня, сироту несчастную, а то меня все колотят и кушают страсть хочется...» Затаив дыхание, слушают ребяташки горестный рассказ о Ваньке Жукове. Вот он дописал письмо, вложил в конверт и вывел на нем адрес: «На деревню дедушке. Константину Макарычу». Потом сунул письмо в почтовый ящик и, убаюканный сладкими надеждами, заснул...

Библиотекарь кончает читать. Но взволнованные маленькие слушатели все сидят молча, с грустными, сосредоточенными лицами.

До слез жалко им Ваньку Жукова.

После чтения Людмила Константиновна Хуснуллина рассказывает ребятам биографию А. П. Чехова, знакомит их с творчеством великого писателя.

Татарская библиотека Ульяновска широко отмечает 100-летие со дня рождения Чехова. В библиотечном фонде много произведений Чехова на татарском языке: «Степь», «Хамелеон», «Человек в футляре», «Скучная история» и других. В эти дни здесь проводятся беседы о Чехове, готовятся книжные выставки, посвященные его творчеству.

Н. МИХАЙЛОВА.

Чеховские спектакли

В клубе Криушияских судоремонтных мастерских организован драматический кружок. Свою работу он начал с подготовки к столетнему юбилею со дня рождения Антона Павловича Чехова.

На клубной сцене драмкружковцы поставили чеховские водевилы «Юбилей», «Предложение», «Отец и жених». Роли исполняли

конюх П. А. Князьков, механик лесозавода Е. П. Демидов, шкипер А. Ф. Ершов, заведующая детскими яслями А. Н. Закатимова, работник пожарной охраны Г. М. Борисов, капитан-механик О. Н. Шальшин, учитель средней школы П. А. Бочкарев.

П. ЕРШОВ.

АДРЕСА И ТЕЛЕФОНЫ

РЕДАКЦИИ: г. Ульяновск, ул. партийной жизни — 38-30; издательства (ул. Гонча